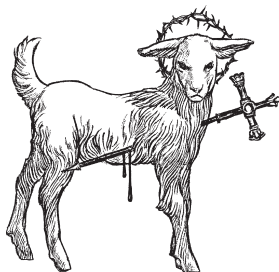

ШЕДЕВРЫ УЖАСА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

АМБРОЗ БИРС

МОНАХ
И ДОЧЬ ПАЛАЧА

ИЛЛЮСТРАЦИИ
САНТЬЯГО КАРУЗО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много лет назад — скорее всего, в 1890 году в Сан-Франциско — доктор Густав Адольф Данцигер принес мне некую рукопись. По его словам, это был его собственный перевод повести «блестящего», как он утверждал, немецкого писателя Ричарда Фосса из Гейдельберга. Поскольку доктор Данцигер в то время плохо знал английский язык, он попросил меня привести перевод в надлежащий для публикации вид. Представленный текст поразил меня открывающейся возможностью для расширения и усовершенствования сюжета, потому я и согласился на эту работу, но только с тем условием, что автор и переводчик предоставят мне свободу действий.

Предложение с моей стороны было явно опрометчивое, а потому полагал, что тем дело и окончится. Но через некоторое время д-р Данцигер меня уведомил, что автор (которого он знал лично) с этими условиями согласен. Результатом моей работы и стала эта книга, опубликованная F. J. Schulte & Company из Чикаго. К сожалению, издатели не преуспели и, насколько мне известно, книга в широкой продаже так и не появилась.

В оригинальном виде повесть я никогда не читал, немецкого языка не знаю, поэтому мне неизвестно,

насколько вольно д-р Данцигер обошелся с текстом автора. Мне он говорил, что ничего от себя не добавил. Тем не менее, в своих книгах, на титульных листах, в перечне собственных произведений, объявляет себя автором «Монаха и дочери палача». Помимо моей воли, данное утверждение вызвало дискуссию, которая и потребовала от меня тех слов, что я привел выше. Г-н Данцигер прибег к уловке и заявил, что герр Рихард Фосс позаимствовал свой сюжет из другого сочинения, а издатель счел нужным уведомить читателя: «В основе данного повествования — старинная рукопись, изначально принадлежавшая францисканскому монастырю в Берштесгадене, Бавария. Рукопись была получена от некоего крестьянина герром Рихардом Фоссом из Гейдельберга, а немецкоязычная версия является адаптацией упомянутого манускрипта». Мне всегда казалось, что по отношению к труду г-на Фосса, которым я искренне восхищаюсь, это и неравнозначно, и несправедливо. Не в последнюю очередь данный мотив и удовлетворение от самого факта переиздания повести дают мне возможность воздать должное тому, чье великодушное воображение и есть главный источник этой истории. Я сохранил имя доктора Данцигера на титульном листе книги, но полагаю, заслуга последнего в ее появлении невелика. По сравнению с той версией, что была передана им мне в руки, окончательный текст претерпел существенные изменения в сюжете, а объем ее увеличился.

Амброз Бирс.

Вашингтон, Округ Колумбия

29 ноября 1906 года

I

В первый день мая, в год одна тысяча шестьсот восьмидесятый от рождения Господа нашего мы, монахи-францисканцы, Эгидий, Романус и Амброзий, были посланы отцом-настоятелем из города Пассау в монастырь Берштестегатен, что близ Зальцбурга. Я, Амброзий, был самым молодым — всего двадцати одного года от роду.

Монастырь, куда мы направлялись, располагался, как мы знали, в дикой гористой местности, покрытой густыми лесами, населенными дикими зверями и злыми духами; и наши сердца преисполнились скорби: что-то нас ждет там... Но, поскольку обязанность любого христианина выполнять все повеления Церкви Христовой, мы не роптали и даже радовались, исполняя повеление нашего настоятеля.

Получив последние наставления и в последний раз вознеся молитву в храме нашей обители, мы затянули пояса, надели новые сандалии и отправились в путь, благословленные на прощание всей братией. Хотя путь наш был долгим и трудным, мы не утратили веры в Провидение, веры, которая дает силу молодости и опору старости. Вскоре боль расставания утихла, сердца наши наполнились радостью: впервые нам открылась дивная красота и величие той земли, что создал для нас, ничтожных, Всевышний. Воздух дивно сиял и струился, будто сотканный из нитей одеяния Девы Марии; солнце сияло, словно Золотое Сердце Спасителя, несущее свет и жизнь всему живому; а темно-голубое

небо как бы венчало прекрасный и величественный храм, в котором каждая травинка, каждый цветок, каждое живое существо радовалось во славу Бога.

Мы миновали великое множество городов, деревень, хуторов, что лежали на нашем пути, встретили множество людей разного обличия и ремесла, и многообразие это восхитило и повергло в изумление нас, бедных монахов. Обилие храмов, встреченных нами в пути, привет и доброе расположение христиан простого звания, равно как искреннее и повсеместное желание бескорыстно услужить нам, странникам, наполняло сердца наши счастьем. Богатство и благополучие церквей на этих землях лучше любых слов говорило, что живут здесь добрые христиане. Ухоженные сады и строения монастырей и приходов являли свидетельство заботы и рдения паствы и пастырей. Наши сердца сладостно сжимались, когда слух ловил вблизи или в отдалении перезвон колоколов. Наши души словно впитывали эту музыку — что-то неземное слышалось в ней: будто ангелы на небесах пели Осанну во имя Господа.

Везде, где лежал наш путь, мы благословляли встречных именем нашего святого покровителя. В ответ все они дарили искреннее дружелюбие и радость: женщины и дети подолгу шли рядом с нами, провожая, толпились вокруг, чтобы поцеловать наши руки и испросить благословения. Казалось даже, будто мы уже вовсе не ничтожные слуги Божьи, а властители всей этой прекрасной земли. И хотя гордыня не поселилась в наших душах, и взгляд наш оставался смиренным, мы с робостью всматривались в собственные сердца, боясь, как бы не нарушить заповеди нашего Ордена и не согрешить, возгордившись.

Что же касается меня, то я, смиренный брат Амброзий, со стыдом и смятением обнаружил, что душа моя смущена греховными мыслями. Мне казалось, что жен-

щины с бóльшим удовольствием целуют мои руки, нежели руки моих товарищей, что, конечно же, было неверно, так как я вовсе не был более свят, чем они. Просто я был моложе и менее искушен в борьбе с дьявольскими соблазнами. Когда я вдруг ощутил женские чары и увидел, как девушки задерживают взгляды на моем лице, я устрасился: где найти силы, чтобы противостоять искушению? И начал понимать с ужасом и содроганием, что молитва, пост и вериги — одни, сами по себе, никого не сделают святыми, человеку нужно быть от рождения столь чистым душой и мыслями, чтобы соблазны были неведомы ему.

На ночь мы останавливались в каком-либо монастыре, где нас неизменно ждал радушный прием. Обильная еда и напитки всегда были на нашем столе. Когда мы приступали к трапезе, вокруг нас толпились монахи, выпрашивая новости о мире, в котором мы, благодаря нашему благословенному путешествию, увидели и узнали так много. Слыша же о цели нашего путешествия, нас обычно жалели за то, что мы обречены жить в горной глуши. Нам рассказывали о ледниках, об увенчанных снегом вершинах огромных скал, ревущих водопадах и сумрачных лесах, а еще, обязательно, говорили об озере, столь страшном и загадочном, что нет подобного ему во всем мире. «О, Господи, укрепи силы наши!» — молились мы.

На пятый день путешествия, невдалеке от города Зальцбурга, нам явилось странное и загадочное видение. На горизонте, прямо перед нами, возникла гряда тяжелых облаков со многими серыми вкраплениями и пятнами более темного оттенка, а между ними и голубым небом лежала полоса совершенно белого цвета. Это зрелище глубоко встревожило нас и озадачило. Облака были неподвижны. Мы наблюдали часами, но ничто не менялось

в этой картине. Позже, уже к вечеру, на закате, солнце озарило их. Облака чудно сияли и переливались, а временами, казалось, вспыхивали огнем!

Трудно выразить наше удивление, когда мы обнаружили, что заблуждались: это были вовсе не облака, а нагромождение скал. Это о них мы столько слышали в пути. А то, что мы принимали за белый небесный свод, оказалось снегом, что покрывал горные вершины.

II

Когда мы подошли ко входу в ущелье, что вело в глубь горной страны, смятение охватило нас: казалось, что это врата Ада. Позади осталась прекрасная земля, теперь мы готовились покинуть ее навсегда. Перед нами громоздились горы, теснины и сумрачные леса. Они угнетали взор и таили опасности. Укрепив сердца наши молитвой и шепча проклятья врагу рода человеческого, мы приготовились вынести все, что бы нам ни было суждено, и двинулись навстречу неведомому.

С великой осторожностью мы продвигались вперед. Вскоре путь нам преградили гигантские деревья. Их тяжелые кроны почти скрывали свет небес, сумрак сгустился, и холод пронизал нас. Звуки наших шагов, и голосов, когда у нас хватало смелости произнести хотя бы слово, возвращались к нам, отраженные скалами, теснившими тропу, по которой мы двигались. Но отзвуки эти были столь отчетливы, многократны и многоголосы, так причудливо искажены, что мы с трудом верили, будто это наши голоса и шаги и что нас не сопровождают орды невидимых существ, которые специально насмеваются над нами и устрашают нас.

Огромные мрачные птицы срывались со своих гнезд, кружили над вершинами скал и зловеще глядели на нас, бредущих внизу; грифы и вороны кричали такими дикими, злыми голосами, что кровь стыла в жилах. Мы молились, но молитвы и гимны, которые мы пели, не могли успокоить

наши души; казалось, они только призывали новых птиц, и те эхом своих голосов еще сильнее устрашали и вносили смятение в наши сердца. Поразительно было видеть огромные деревья, вырванные с корнем и громоздившиеся на склонах холмов; сама мысль о могуществе стихий, совершивших это, приводила нас в содрогание. Временами тропа, по которой мы шли, жалась к самому краю обрыва. За ним, устрашая взор, зияла мрачная пропасть. Началась буря. Никогда не доводилось нам испытать ничего подобного: беспрестанно сверкавшие молнии почти ослепляли нас, а гром гремел с такой силой, что тысячекратно превосходил раскаты, слышанные доньше. Ужас окончательно подчинил наш разум, и каждую минуту мы со страхом ожидали, что сам дьявол обрушится на нас со скалы или свирепый горный медведь преградил нам путь. Но одни лишь олени да лисы изредка пересекали тропу. Страхи наши стали постепенно слабеть, и мы убедились, что святой Франциск — наш благословенный покровитель — не менее могущественен здесь, в горах, нежели в той прекрасной стране, которую мы покинули.

Долго мы шли и вот, наконец, достигли берега стремительного потока, чьи серебристые струи воистину радовали взор. В хрустально-чистой глубине мы разглядели благородных форелей, величиной ничуть не уступавших карпам в нашем монастырском пруду в Пассау. Даже в этих диких местах небеса не оставили своей заботой уставших путников!

У подножия величественных скал, покрытых лишайниками, раскинулся луг, на котором росли прекрасные небесно-синие и золотисто-желтые цветы. Названий их мы не знали, но брат Эгидий, столь же благочестивый, сколь и ученый, узнал их по своему гербарии и назвал нам. То были очень редкие цветы, встречавшиеся только в этой местности. Нас восхитил вид бриллиантовых жуков и бабо-

чек, во множестве летавших над лугом. Мы собрали букеты и, счастливые, гонялись за чудесными насекомыми, совершенно забыв недавние страхи, медведей и злых духов.

Мы шли уже много часов, но не встретили ни человеческого жилища, ни чего-нибудь, напоминающего о людях, живущих здесь. Все глубже и глубже мы проникали в горную страну, все труднее давался нам путь через леса и ущелья. Вернулись и прежние страхи, но они уже не поражали наши души с той силой, как прежде, ибо теперь мы знали, что Бог хранит нас. Вновь река преградила нам путь, но к нашей радости мы обнаружили, что через нее перекинут грубый, однако прочный мост. Мы уже собирались ступить на него, когда я поднял глаза и на другом берегу увидел зрелище, заставившее похолодеть кровь в моих жилах. За рекой раскинулся луг, поросший дивными цветами, а посреди луга стояла виселица, и мертвец раскачивался в петле! Лицо его было обращено к нам (я легко мог различить мельчайшие его черты), и хотя оно уже почернело и начало разлагаться, без труда можно было определить, что смерть наступила недавно.

Я уже собирался привлечь внимание моих спутников к этому прискорбному зрелищу, когда произошло еще нечто: на лугу появилась юная девушка с длинными, золотистого цвета волосами, голову ее украшал веночек.

Она была одета в ярко-красное платье, и ее неожиданное появление, как мне показалось, осветило всю сцену, будто сполох огня. Ничто в ее поведении не свидетельствовало о страхе перед виселицей и мертвецом; напротив, она двигалась прямо к виселице, легко переступая босыми ногами, что-то напевая громко, приятным голосом. Девушка размахивала руками, отгоняя стервятников, круживших над этим местом. Недовольные, они хрипло кричали, били крыльями и щелкали хищными клювами. При ее приближении птицы тяжело поднялись в воздух, и лишь один гриф

не тронулся с места: он сидел на перекладине виселицы и смотрел угрожающе и с вызовом. Девушка подбежала вплотную к месту, где сидела отвратительная птица, и принялась прыгать и кричать. Тогда гриф расправил свои широкие крылья и нехотя взлетел. Она остановилась, спокойно и задумчиво разглядывая тело несчастного, мерно раскачивающееся под перекладиной.

Пение девушки привлекло внимание моих спутников. Все мы остановились, глядя на прекрасное дитя, не в силах произнести ни слова — настолько поразительный контраст являло собой это небесное создание и его окружение.

Я стоял неподвижно, безмолвно наблюдая эту удивительную картину, и чувствовал, как холод сжимает мое сердце. На мгновение мне в голову пришла сумасшедшая мысль, что здесь и я буду погребен, что стою сейчас на месте своей могилы. Удивительно, но это ощущение пронзило меня в тот самый момент, когда тень от виселицы накрыла движущуюся девичью фигуру. Конечно, это было совпадение, странное совпадение, одно из тех, что мешают сон с явью и реальность с глупейшими предрассудками. Действительно, ведь только безумцу могла прийти в голову мысль, что добрый христианин и искренний последователь святого Франциска Ассизского может закончить свои дни на виселице.

— Давайте преклоним колени, — сказал я своим товарищам, — и помолимся за душу умершего.

Мы поспешили к скорбному месту и молились горячо, не поднимая глаз. Я был особенно усерден в своей молитве, поскольку сердце мое исполнилось сострадания к несчастному, что качался на виселице. Я припомнил слова Господа нашего, сказанные по этому поводу, припомнил и то, что Он простил разбойника, распятого на кресте рядом с Ним. Кто знает, может быть, никто не сказал доброго слова и не даровал этому грешнику прощения перед смертью?

При нашем приближении девушка отбежала в сторону и остановилась, глядя на нас в нерешительности. Однако внезапно, в самый разгар нашей молитвы, я услышал ее звонкий голос: он дрожал от напряжения, словно ужас переполнял ее. Она закричала: «Гриф! Гриф!..» Я посмотрел вверх и увидел огромного, серого цвета стервятника, который кругами плавно скользил вниз. В нем не было ничего, что могло бы напугать ее, и приближение птицы не несло в себе никакой угрозы ни нам, ни нашим молитвам. Но девичий голос прервал нас, и братья, негодуя, принялись бранить ее.

— Остановитесь, — прервал я их, — быть может, это ее родственник. Подумайте об этом, братья мои. Эта чудовищная птица прилетела, чтобы терзать плоть тела его и клевать его глаза. Что же странного в том, что она закричала?

— Тогда, Амброзий, ступай к ней, — произнес один из братьев, — и скажи, чтобы она помолчала, пока мы будем молиться за упокой души этого грешника.

Я пошел по цветущему лугу к тому месту, где стояло дитя, устремив взгляд своих глаз на стервятника, который, сужая круги, приближался к виселице. Безмолвно, выпрямившись, девушка смотрела, как я приближаюсь, и когда я увидел ее глаза — большие и темные, — я заметил, что в них мелькнул страх, словно она боялась, что я причиню ей какое-то зло. Станным было то, что, когда я подошел совсем близко, она не сделала ни шага мне навстречу и не поцеловала мне руку, как это обычно делали женщины и дети.

— Кто ты? — спросил я ее. — И что ты делаешь совершенно одна в этом скорбном месте?

Она ничего не ответила мне, не подала никакого знака, не сделала никакого движения, и потому я повторил свой вопрос:

— Скажи мне, дитя, что ты здесь делаешь?

SHS
16

— Отгоняю стервятников, — отвечала она, и голос ее был мягким, мелодичным и необычайно приятным.

— Этот несчастный — твой родственник? — снова спросил я.

Она отрицательно покачала головой.

— Но ты знала его и теперь скорбишь о его печальной участи?

Она хранила молчание, и мне вновь пришлось спросить ее:

— Как его звали и что привело его к смерти? Какое преступление он совершил?

— Его звали Натаниэль Олфингер. Он убил человека из-за женщины, — произнесла девушка.

Причем, сказала она это с такой обыденной интонацией в голосе, что можно было подумать, будто и убийство, и повешение настолько обычны в ее жизни, что и не стоит обращать на них внимания. Это поразило меня, и я вопросительно поглядел на нее, но взгляд ее оставался все так же мягок и безучастен.

— А знала ли ты этого Натаниэля Олфингера, дитя мое? — спросил я.

— Нет, — ответила она.

— Но теперь ты пришла сюда, чтобы уберечь его грешное тело от стервятников?

— Да.

— Но почему же ты делаешь это?

— Но я всегда занимаюсь этим...

— Что?

— Всегда, когда здесь повешенный, прихожу и отгоняю птиц — пусть себе ищут другую добычу. Ой! Смотрите... еще один стервятник!

Она закричала, и голос ее был пронзительным и диким, а затем подняла руки над головой, замахала ими и побежала по лугу. Мне показалось, что она сумасшедшая. Птица

улетела, и девушка вернулась ко мне. Свои загорелые руки она прижимала к груди и казалась такой умиротворенной, но дыхание ее было прерывисто, словно она очень устала.

Мягко, насколько это было в моих силах, я спросил ее:

— Как зовут тебя, дитя мое?

— Бенедикта.

— Кто твои родители?

— Моя мать умерла.

— А отец... — спросил я. — У тебя есть отец? Где он?

Ответом мне было ее молчание. Я попытался разговаривать с ней, чтобы она сказала, где ее жилище (я хотел отвести бедное дитя домой и попенять ее отцу, чтобы он лучше смотрел за своей несчастной дочерью и не разрешал бродить ей на этом страшном месте).

— Так где же ты живешь, Бенедикта? Прошу тебя — скажи мне!

— Здесь...

— Как?! Здесь?! Ах, дитя мое, здесь же только одна виселица!

Девушка рукой указала на сосны. Проследив направление ее жеста, среди деревьев я увидел убогую хижину, которая своим видом более походила на обиталище зверя, нежели человека. Итак, я узнал больше, чем она могла или хотела сказать мне — чья же она дочь.

Когда я вернулся к своим товарищам, они спросили меня, кто эта девушка, и я ответил:

— Дочь палача.

Ш

Препоручив душу мертвеца попечению Святой Богородицы и Святых Апостолов, мы оставили это проклятое место, но я, уходя, оглянулся на прекрасную дочь палача. Она стояла там, где я оставил ее, и смотрела нам вслед. Чистый девичий лоб был все так же украшен венком, и цветы оттеняли ее чудесную красоту. Большие темные глаза сияли, как звезды в безлунную зимнюю ночь.

Мои товарищи, для которых дочь палача, конечно же, была вне христианского мира, попеняли мне за то внимание, что я проявил к ней. И я с печалью подумал: «Бедное, прекрасное и несчастное дитя! Тебя гонят и презирают за то, в чем нет твоей вины... Да и разве можно винить ребенка за ремесло ее родителя? И разве не истинно христианская добродетель подвигла это невинное существо отгонять мерзких стервятников от тела человека, которого при жизни она даже не знала, и столь грешного, что суд признал невозможным дальнейшее его земное бытие?» Во всяком случае поступок ее показался мне куда как благочестивей деяний иных христиан, подающих милостыню на паперти нищим. Мысли эти переполняли меня, и я не мог не поделиться ими со своими спутниками. Но, к моему удивлению и великой печали, ни один из них не поддержал меня, а напротив обозвали глупцом и мечтателем, дерзнувшим отрицать извечный порядок вещей. Каждый, говорили они, должен избегать людей того круга, которому принадлежит палач и его семья, а тех, кто